

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

---

*ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН
КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
(ЧАСТЬ 2. НАЧАЛО В № 3 2008 г.)*

---

2. Задруга как форма собственности. Наряду с общинной формой собственности в средневековой Сербии важное место занимала и собственность задруги. Задруга — большая семья, состоящая из нескольких связанных между собой кровным родством традиционных семей и общностью недвижимого имущества. Под традиционной семьей мы подразумеваем семью, состоящую из отца, матери и их детей.

Наиболее детальное представление о быте в задруге и ее правовом положении мы находим в частноправовых актах. Так, в тексте Дечанского хрисовула (1330) содержатся сведения о 2 432 семьях-общинах, т.е. задругах [10, 39], которые составляли 37,8 % от общего числа зависимых крестьян, проживавших во владениях Дечанского монастыря. Во владениях Архангелогородского монастыря в начале 50-х гг. XIV в. проживало 447 влашских семей, 210 из которых были многочисленными по своему составу задругами, что составляло 47 % от общего числа крестьянских усадеб [24, 585].

Вышеизложенные данные позволяют сделать вывод, что в XIV в. в ряде районов Сербии задруга охватывала не менее 40 % общего числа крестьянских усадеб, в которых проживало не менее 60 % населения этих регионов. Это в полной мере соответствует выводам одного из первых исследователей общественного строя южных славян в эпоху средневековья, Ф. Рачки, который считал задругу основной ячейкой хорватского и сербского раннесредневекового общества [25, 214]. Данное заключение не противоречит и выводам сербского ученого — исследователя задруги — С. Новаковича, которые изложены в 1891 г. в его монографии “Село” [26]. К аналогичным оценкам пришел самостоятельно и польский исследователь средневековой славянской истории Освальд Балцер в работе “О задруге славянской (взгляды и полемика)” [27].

По данным С. Новаковича, задруга во владениях Дечанского монастыря состояла из отца, сыновей и внуков или брата, иногда встречаются упоминания о зятях [26, 230]. Большие задруги насчитывали в своем составе по 10 семей, хотя известны задруги, где их максимальное количество было значительно

но большим. Так, в селе Серош, которое является составной частью владений Дечанского монастыря, задруга, состоявшая из представителей рода Лачковичей, объединяла девятнадцать традиционных семей. Во главе ее стоял дед Лачка [25, 230].

Следует отметить: во всех тех случаях, когда рассматриваемые нами материалы позволяют считать, что родители и дети ведут совместное хозяйство, мы не располагаем данными для того, чтобы усматривать в этих группах сородичей семейную общину. Как правило, в указанных группах по имени названы лишь родители (обычно отец) и, следовательно, не исключено, что их дети были несовершеннолетними. Особенно это относится к тем фактам, где наряду с сыновьями названы дочери. Например, в тексте Хрисовула короля Сербии Милутина говорится о даровании Хиландарскому монастырю в 1302–1309 гг. 22 влашских усадеб, т.е. задруг. В их числе были: Воихна с детьми, Первослав с детьми, Станислав с детьми, Берзошич с детьми, Драгомир с детьми и т.д. [24, 587]. Совместное проживание и ведение хозяйства одним взрослым, женатым сыном с родителями не противоречит характеру малой семьи и по сей день представляет довольно распространенное явление. То же самое относится и к ведению совместного хозяйства тремя брачными парами, в которых мужчины являются родственниками по прямой нисходящей линии.

Несмотря на наличие исследований, посвященных сербской семейной общине, по существу не определен тот минимум ведущих совместное хозяйство брачных пар, который следует считать гранью между семейной общиной (задругой) и традиционной малой семьей. По нашему мнению, такой минимум составляют две брачные пары боковых родственников — мужчин, хотя бы уже потому, что ведение ими общего хозяйства несовместимо с характерным для малой семьи порядком наследования имущества прежде всего по прямой нисходящей линии родства. Близкое к этому определению мы встречаем в одной из работ М. Косвена, который отмечает, что “большой следует называть семью, состоящую из трех и более поколений нисходящих и боковых, малой — семью из двух поколений” [28, 207]. Однако такое определение, на наш взгляд, не бесспорно. Если, как мы видим, две брачные пары боковых родственников, ведущие совместное хозяйство, уже не могут рассматриваться как малая семья, то три совместно проживающие поколения родичей по нисходящей линии еще отнюдь не обязательно представляют отклонения от обычных форм малой семьи (например, отец, его сын с женой, их несовершеннолетние дети).

Обратимся к реальным юридическим фактам сербской жизни эпохи средневековья. Дошедшие до нас акты купли-продажи монастыря Святой Богородицы в Хтетово, датированные 1346 г., гласят следующее: “Игумен монастыря купил родовую усадьбу Краймировых с принадлежащими им земельными владениями в районе Царева студенца, что засвидетельствовано подписями дочери Краймирова, ее сестры Веры и их детей Витомира, Льва, Милы и Романа”. Другая запись из этого же источника гласит о том, что “Неофит (видимо игумен монастыря Св. Богородицы — *В.Е.*) купил земельные угодья у Радослава Дудова, его сына, внука и всего их рода” [29, 131]. В регистрационной книге Призренского монастыря за 1346–1366 гг. исследователь сербской истории права А. Соловьев также обнаружил запись, которая фиксировала договор о покупке монастырем земельных угодий у семьи Каросовых. Договор купли-продажи был скреплен несколькими подписями: “Добраславы Каросовой, ее сыновей Первослава и монаха Никодима и ее дочери Райи” [29, 148]. Соответственно свидетельства средневековых сербских источников о совместной продаже земли двумя и более родственниками, названными по имени, следует, вероятнее всего, рассматривать как свидетельство существования семейных общин (задруг), поскольку мы могли уже убедиться, что коллективная продажа родственниками недвижимости предполагает наличие у них общего хозяйства. Очевидно, с еще большими основаниями таким же образом следует рас-

ценивать данные о совместной продаже земли тремя-четырьмя братьями. Все это позволяет полагать, что основной формой большой семьи в средневековой Сербии была так называемая братская семейная община, или задруга. При этом следует отметить, она не состояла лишь из одних боковых родственников — мужчин; в ее состав, без сомнения, входили их жены и дети, а, вероятно, подчас и их собственные родители. Иными словами, «братская» семейная община могла включать представителей трех и более поколений. Но в отличие от «отцовской» большой семьи, возглавлявшейся обычно одним старейшим мужчиной-домачином, в «братской» семейной общине главенствующая роль принадлежала нескольким взрослым (видимо, наиболее трудоспособным) мужчинам-братьям, что, в частности, в наших источниках получило выражение в совместном распоряжении ими недвижимостью.

В современной историко-правовой науке еще нет однозначного решения вопроса о месте «братской» семейной общины в истории смены форм семейных отношений, в том числе и форм собственности. Например, по мнению М.О. Косвена, большая братская семья представляет всего лишь частную историческую форму [28, 86]. Не вступая в полемику по данному вопросу, все же отметим, что в период разложения первобытнообщинного строя и становления феодализма «братские» семейные общины встречаются не только у южных славян, т.е. сербов и хорватов, но и у других народов. На это первым указал в 1867 г. Ф.И. Леонтович в работе «О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статуту, сравнительно с задругой юго-западных славян», где он выступал против установившегося взгляда на древнерусскую вервь как территориальную общину аналогичную германской марке [30]. При этом Ф.И. Леонтович отождествил вервь «Русской Правды» с институтами задруги, которые подробно регламентированы в «Полицком Статуте». По его мнению, задруга — большая семейная община — была «переходной ступенькой к чисто общинным формам жизни. Вобравши в себя коренящиеся частично в договорных отношениях элементы, которые не были характерны для семьи, задруга отодвинула на второй план кровные, патриархальные связи [30, 18]. Его поддерживает в этом и известный историк права, профессор С.В. Юшков. В частности, он отмечал в работе «Общественно-политический строй и право Киевского государства», что термин «вервь» применялся у славян только к большим семьям, имел фигуральный смысл и означал линию происхождения от общего порядка [31, 86 — 89]. В 70-е гг. XX в. с данной точкой зрения согласился и один из ведущих исследователей истории Древней Руси И.Я. Фроянов [32, 24 — 25].

Весьма показательным является тот факт, что и ст. 94 «Псковской судной грамоты» — источника русского права XV в. — гласит: «взрослые братья» живут в одном хлебе» — ведут одно хозяйство [33, 45]. В данном случае они несут коллективную ответственность за отцовский долг, причем формально это возлагается на старшего брата — он и есть глава неразделенного дома [33, 45]. Ст. 95 вышеуказанного правового источника окончательно убеждает нас, что речь идет о типичной «братской» семейной общине, которую южные славяне именуют задругой. Она гласит: «А которой менший брат или братань, жиучи в одном хлебе с вятшим братом или з братом, а искористуются сребром у брата своего или у брата, и учнет запитатися, ино ему правда дать, как за ним не будет, а животом делится» [33, 45]. Из данной статьи следует, что «в одном хлебе», т.е. в одной семье могут жить не только родные братья, но и двоюродные — внуки одного деда.

Раздел такого единого хозяйства допускался только при особых обстоятельствах — явно недобросовестном поведении одного из братьев. Для сравнения, в средневековой Сербии обособление из задруги было делом невозможным даже в XIII в., ни по свободному волеизъявлению членов задруги, ни по содержанию действовавших в те времена юридических норм [24, 587].

Следует отметить, что в тексте «Псковской судной грамоты» уделяется значительное внимание деятельности субъектов хозяйствования в форме больших

неразделенных семейных общин, значительно большее, чем в “Русской Правде” и других памятниках средневекового права славянских народов. Причина этого, видимо, в том, что статьи “Псковской судной грамоты” относятся к другому социальному слою, чем Устав о наследстве в “Русской Правде”. Речь идет о достаточно многочисленной группе мелких хозяйств, которые составляли в XIV—XV вв. основу общества в Псковской феодальной республике.

Польские юридические источники XI—XIII вв., перечисляя крестьян, живущих в различных феодальных владениях, неоднократно называют братьев, которые, судя по всему, живут вместе и ведут общее хозяйство [34, 3, 7, 52]. О братьях как основных родственниках в составе семейной общины свидетельствуют отмеченные М.О. Косвенном наименования такой общины в польском языке: “bracia niedzielna” или “bracia nieoddzielni”, в чешском — “nedilni bratři” [28, 84].

Сельская община в Чехии периода раннего средневековья, как в Сербии и Хорватии, состояла из отдельных многочисленных крестьянских хозяйств, они также именовались задругой, т.е. большой семьей, на которую первоначально распадался род [35, 30]. Старый род перенес на задругу все черты коллективности, главным образом — общую собственность на средства производства. При этом следует отметить, что между коллективной собственностью рода и задругой существовало значительное различие. В старой родовой организации индивид имел право только на долю сообща полученного продукта. В задруге каждый ее член кроме права на долю полученного продукта имел также право на долю средств производства, т.е. землю. Формально это было основано на том, что само определение количества и качества земли зависело от качества земли и количества членов задруги, каждый из них имел право требовать от общины свою часть имущества. Это требование было характерно и для самой задруги. Получив с течением времени правовую защиту, сын мог потребовать выделения своей части земли и иных средств производства еще при жизни отца.

Верховная власть в чешской задруге принадлежала семейному совету, а практическое руководство ею осуществлял староста, которого называли господарем. Согласно решению семейного совета, члена задруги, совершившего преступление, могли изгнать из нее и лишить доли имущества. Даже в X в. задруга в Чехии являлась коллективным истцом и ответчиком в тех случаях, когда непосредственный интерес связывался с кем-либо из ее членов [36, 6].

Несмотря на тот факт, что на определенном этапе исторического развития задруга способствовала сохранению старых, отживающих способов производства, тормозила развитие товарных отношений, настаивала на патриархальной автономии, она все же длительное время сохраняла существование в средневековой Чехии. Объясняется данный феномен прямой заинтересованностью господствующего класса в сохранении этого явления. Так, из текста “Законника короля Карла I” следует, что королевская власть стремилась ограничить в интересах королевского домена право на наследование панов, владык и свободных жителей с целью последующего изъятия их свободного имущества в пользу королевской казны. Эта мера должна была содействовать укреплению экономического и в конечном счете политического могущества королевской власти.

Важнейшим ограничением права наследования жителей была норма земского права, предусматривавшая переход в королевскую казну имущества умерших, не оставивших законнорожденных детей, т.е. так называемого выморочного имущества. Согласно ст. 68 “Законника короля Карла I”, земское имущество в подобных случаях должно было переходить в королевскую казну [36, 87]. Указанная норма распространялась на всех лиц, владевших собственностью на основе земского права, т.е. имела силу в отношении как свободных крестьян-общинников (земан), так и феодалов (панов, владык) и горожан.

Ответной мерой чешских феодалов на введение королевской властью ограничений их прав наследования было широкомасштабное использование древ-

него института “недила” (*nedil*). Сущность “недила” сводилась к следующему: родственники и просто знакомые люди могли вступать в “общность” владения имуществом, т.е. “недил”. Члены одного «недила» назывались “общинниками” и считались одним юридическим лицом» [37, 96]. Чешские феодалы (паны и владыки), вступая в имущественный “недил”, стремились сохранить право на имущество в широком смысле: выступая в качестве членов “недила”, они сохраняли равные права на все имущество в случае смерти кого-либо из членов этой общности [37, 96]. Такая мера была средством борьбы против королевского права на выморочное имущество. В заключении “недила” были заинтересованы особенно те лица, которые не имели законных наследников и желали передать свое имущество дальним родственникам или просто знакомым. Институт “недила” гарантировал защиту имущества подобных лиц от притязаний со стороны королевской казны.

В средневековой Сербии, как и в Чехии, задруга также могла быть общиной феодальной семьи. В пользу этого свидетельствуют источники юридического характера. Так, Хрисовул короля Милутина 1314 г. гласит следующее: “Наше королевское величество подтверждает право собственности Лаврешича Андрея и его брата на все прежние владения их отца и его сестры Мариан, которые были пожалованы им матерью королевы” [29, 88].

В исследовании М.Л. Абрамсона “Южноитальянская община IX—XIII вв.” также встречается описание больших семейных общин на территории средневековой Италии. Представленный исследователем материал позволяет сделать вывод, что чаще всего большие семьи в Италии состояли из трех поколений: отца — главы семьи, его сыновей с женами и детьми [38, 79]. Такие семьи могли быть как пережитком родового строя, так и разросшейся малой индивидуальной семьей, когда братья, обзаведясь своими семьями, по мотивам экономического характера отказывались от раздела собственности семейной общины. За подобными семьями исторически закрепился термин “кондом” [38, 79].

Аналогичные семейные общины характерны и для средневековой Испании. Например, семейная община в леоне-кастильской деревне состояла из родителей, их взрослых сыновей (женатых и неженатых). Она безраздельно владела недвижимым имуществом и совместно вела хозяйство. Иногда такая семья включала в состав и двоюродных братьев, именовалась семейная община обычно термином “*hermandad*”. Так, в грамоте дарения монастырю Собрадо в Галисии (XIII в.) говорится о землях, принадлежащих некоему Фернандо Пересу и его *hermandad* [39, 146]. Экономической основой семейной общины была собственность на родовое имущество (*hereditas abolengas*). Это имущество, отличавшееся от приобретенного (*ganatura, ganancias*), считалось собственностью всей семьи, и домохозяин не мог произвольно распоряжаться им. Еще в готской Испании родителям, согласно “Вестготской правде”, запрещалось лишать детей наследства, если они не противились в чем-либо серьезном, не допускалась передача одному из детей большего количества имущества, чем другому [40, 56]. В Леоне и Кастилии “Вестготская правда” сохраняла свое действие. Во многих фуэрос XI—XIII вв. также содержатся подобные ограничения. Так, в фуэро Саагуна 1100 г. отмечается, что наследниками родителей должны быть не только сыновья, но в случае их отсутствия — внуки, братья, племянники, двоюродные братья и только. Если никого из таких родственников нет, можно завещать имущество посторонним лицам [39, 146]. Для продажи семейного имущества требовалось согласие взрослых членов семьи. Поэтому отчуждение земли осуществлялось по грамотам чаще всего от имени отца и его детей, а иногда также от имени внуков и братьев. Во многих грамотах земельные владения рассматриваются как общая собственность родителей и их детей. После смерти отца часто дети и внуки не осуществляли раздела родового имущества, но продолжали совместно владеть им. Главой такой семейной общины становился старший брат [39, 146].

Семейные общины в средневековой Испании, о которых шла речь, входили в состав сельской соседской общины. Материальной основой этой организации являлось наличие права собственности на общие угодья. Значимость угодий в хозяйстве рассматриваемого региона была особенно велика в связи с тем, что скотоводство по своему значению во многих случаях не уступало земледелию, а в некоторых регионах страны стояло и на первом месте.

А теперь с юга европейского континента перенесемся в его северную часть — в Норвегию. Норвежское крестьянство в настоящее время, как и тысячу лет назад, живет преимущественно в обособленных усадьбах. Например, О. Олафсен на основании углубленного изучения местного материала убедительно показал, что в Хардангере (юго-западная Норвегия) первоначальных поселений, которые принято в Европе называть деревнями, не было: там, где в начале XX в. существовали деревни с 10–20 дворами, в XVI в. находились лишь однодворные и двухдворные поселения [41, 19–20]. Изучавший данные топонимики и археологии М. Ольсен распространил этот вывод на всю Норвегию [42, 29]. В настоящее время уже детально установлено, что в средневековых дворах в Норвегии жили большие семьи (*storfamilien*); увеличение числа их членов приводило к разделам и к превращению однодворного поселения в групповое. Препятствием на пути превращения однодворного поселения в деревенское служило здесь отсутствие достаточного количества земли, пригодной для возделывания, поэтому при разделе большой семьи двор не дробился, и новые дворы возникали в результате выселок [42, 52–53]. Селение, возникшее в результате увеличения числа жителей одного двора, вокруг которого со временем появилось несколько новых, часто вплоть до начала XX в. сохраняло название двор (*gaard*). Отсюда происхождение выражений: “двор на 4 (или 6 и т.д.) хозяйств (*gaarden er paa 4, 6 bruk*)” [43, 13]. Крестьянское хозяйство представляло собой двор, который охватывал группу строений, составляющих хозяйственный комплекс, и участок земли, нередко расположенный за пределами ограды усадьбы. В состав усадьбы могло входить и несколько пахотных участков. К усадьбе примыкали луг, лес, и, если она была расположена на берегу реки или на побережье моря или фиорда, соответствующие воды и рыбные ловли.

В центре крестьянского владения находился дом, верни, группа строений, в которых жил бонд со своей семьей [44, 318]. Обладание домом и усадьбой служило гарантией правоспособности. Например, “Законы Фростатинга” гласят: “Пока человек занимает почетное хозяйское сиденье (*öndvegi*) в доме, он может распоряжаться своей собственностью. Восседая на этом почетном сидении, домохозяин осуществлял права главы семьи и собственника. Здесь его нужно было извещать о вызове в суд, здесь он должен был защищаться от всех притязаний на его собственность, после смерти отца сын должен был занять хозяйское сиденье. Вступая на почетное место в доме покойного отца, сын делался его наследником [45, 9]. При этом вся пахотная земля принадлежала членам домового общины, населявшей крупные дворы или хутора, и лишь постепенно высвобождалась из-под контроля этого коллектива в связи с его распадом [46, 80]! Анализ “Законов Фростатинга” — правового акта средневековой Норвегии [47] — позволил нам проследить две стадии в эволюции большой семьи, т.е. семейной общины. На первой стадии велось совместное хозяйство семьи, представлявшей, таким образом, производственный коллектив. Однако наличие в составе домового общины нескольких семей делало возможным выделение во временное пользование каждой из них доли из совместной земельной собственности. Подобные доли выдавались, по-видимому, лишь на год, после чего мог последовать новый раздел земли в пользование отдельных семей. Можно предположить существование на практике более или менее периодических разделов земли в пределах семейной общины, о чем свидетельствуют правовые акты средневековой Норвегии и Швеции. Например, гл. III, раздела V “Ландслага короля Магнуса Эрикссона” (1347) гласит: “Передел деревен-

ской земли должен начинаться с передела усадеб, согласно деревенской мере (законодатель имеет в виду земельный надел, принадлежащий каждому землевладельцу в данной деревне и составлявшей его постоянную долю при переделах приусадебных участков, пахотной земли и лугов, а иногда и леса, в случае его раздела — *В.Е.*), согласно пеннингсланду и эртугесланду, эресланду и маркланду (в данном случае шведский средневековый законодатель подразмекает участки земли, стоимость посеянного зерна на которых оценивалась соизмерно 1 марке, 1 эре, 1 эртугу и 1 пеннингу серебром. Соответственно 1 маркланд = 8 эресландам = 28 эртугесландам = 192 пеннингсландам — *В.Е.*)..., при этом пусть каждый получит свою долю, которой он владеет в деревне, и пусть каждый располагает своей долей, владеет ли он большей или меньшей [долей]” [48, 195]. Наблюдаемый нами переход от совместной обработки земли к возделыванию ее силами отдельных семей, входивших в состав домового общины, не приводил, однако, непосредственно к ее распаду: важнейшей хозяйственной единицей осталась все же большая семья.

Тем не менее начавшееся обособление индивидуальных семейств в хозяйственном отношении приводило рано или поздно к разделу совместной собственности большой семьи и к выделению индивидуальной собственности на землю как в средневековой Норвегии, так и в Швеции. Раздел одаля не сопровождался немедленным прекращением всех притязаний членов семейной общины на землю выделявшихся из нее индивидуальных хозяйств. Последние длительное время сохраняли некоторые права на землю — в виде права преимущественной покупки продаваемой земельной собственности и в виде права выкупа проданного одаля. Например, гл. II, раздела IV “Ландслага короля Магнуса Эрикссона” гласит: “Если кто-нибудь желает продать свою землю, которую он получил по наследству, он должен по закону предложить ее своим родственникам на трех тингах херада (*Þing haegað* — чрезвычайное собрание всего оседлого мужского населения административного округа — *В.Е.*): землю, полученную от отца, — родственникам со стороны отца, а землю, полученную от матери, — родственникам со стороны матери; затем пусть родственники имеют сутки и год для того, чтобы купить эту землю. Если они не купят ее в течение ночи и года, пусть он имеет право продать эту землю тому, кому пожелает, и после этого родственники никогда не имеют права возбуждать в суде иск об этой земле” [48, 192]. Эти ограничения препятствовали окончательному отчуждению собственности за пределы большой семьи. Вследствие этого право одаля, несмотря на неизбежную эволюцию в сторону превращения из права коллективной собственности на землю в право частной собственности, осталось специфическим институтом, сохранившим отличие от права неограниченного распоряжения иными видами земельной собственности, которые норвежское и шведское право относило к “купленной земле”.

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод, что семейная община в Норвегии и Швеции, так же как и в Сербии, Хорватии, Испании, Италии, Польше, Русских государствах и Чехии, не представляет собой исключительного явления и для других стран европейского континента. Например, несложно провести параллели между организацией и функциями семейной общины в вышеуказанных нами странах Европы и Германии, которые четко прослеживаются в источниках права VIII в. — Аламанской и Баварской “Правдах”. Но в Сербии, Хорватии, Испании, Русских княжествах, Польше, Чехии, Норвегии и Швеции такие семейные общины, или задруги, выступающие как производственные объединения, сохранялись еще в XII — XV вв. и даже значительно позже, в то время как названные германские источники относятся к VII — VIII вв. Некоторые аргументы в пользу наших доводов также изложены в работах известных европейских правоведов — О. Герке (Германия) [49; 50], Х. Капитанта и А. Колина (Франция) [51] и др.

Проведенный нами сравнительный анализ основных институтов семейной общины, изложенных в источниках права стран средневековой Европы, позво-

лил нам прийти к следующим выводам. Семейная община (задруга) являлась юридическим лицом. Она обладала собственным имуществом, ей принадлежало в определенных границах право самоуправления. Органом управления семейной общины было собрание всех ее членов. Общине принадлежало право собственности на находящиеся в пользовании ее членов пашни, леса, луга и воды. Община имела право отчуждать землю, заключать контракты об аренде земли с соседствующими землевладельцами.

Стабильность семейной общины (задруги) в странах средневековой Европы связана с тем, что государственная власть рассматривала ее как фискальную единицу. Так, в одном из испанских фуэрос XII в. отмечалось, что братья, живущие в одном и том же доме, должны платить лишь один *foro* (ценз). Власть главы семьи над домочадцами находила выражение, в частности, в том, что он нес ответственность за преступления, совершенные кем-либо из членов семьи. Как и в готский период, девушка для вступления в брак должна была получить согласие родителей, а в случае, если они уже умерли, — родственников. Родственники выступали в качестве соприсяжников. Они получали за своих родичей часть вергельда и преследовали их врагов [39, 146–147]. Аналогичное явление мы наблюдаем и в средневековой Норвегии, Швеции и Сербии. Так, обособление членов сербской задруги было делом невозможным до середины XIII в. [24, 587]. За многовековой период изучения сербского средневекового права исследователям не удалось установить ни одной нормы из правового обычая или законодательного акта до середины XIII в., которая была бы направлена на практическое решение данного вопроса. И только в 40-е гг. XIII в. в Хрисовуле короля Стефана Владислава I, дарованном монастырю святой Богородицы в Быстрице, мы встречаем юридическую норму, направленную на обособление членов средневековой сербской задруги в традиционную, малую семью. В частности, Хрисовул короля Стефана Владислава I (1243) гласит: “Сын, проживающий три года после женитьбы с отцом, по истечении указанного срока обязан также исполнять повинности в пользу церкви. А кто проживает один, то обязан поступать в соответствии с повелением игумена” [12, 590].

Причиной появления данного правового акта послужил также фискальный интерес. По древнейшему правовому обычаю сербов и хорватов задруга длительнейший исторический период облагалась налогом в том же размере, что и традиционная семья, т.е. фискальная единица. В данном случае Королевский хрисовул (1243) свидетельствует о начале борьбы церковных и светских феодалов с древними обычаями сербов с целью повышения доходности своих владений за счет дополнительного налогообложения женатых членов задруги. Подтверждением истинности наших доводов может служить и § 7 постановления Королевского хрисовула, дарованного Архангелородскому монастырю от 1348 г., который гласит: “Дом в Призрене облагается дополнительным налогом, если семья проживает в нем задругой” [24, 589].

Литература

1. Древняя редакция “Закона царя Юстиниана” // Флоринский, Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ: Хрисовулы. Сербский Законникъ. Сборники византийскихъ законовъ / Т.Д. Флоринский. — Киевъ: Императорский университет св. Владимира, 1888.
2. Радојичи, С. Српски рукопис Земљорадничког закона / С. Радојичи // Зборник радова Византолошког института Српска академија наука. — 1955. — Књ. 3.
3. Липшиц, Е.Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация / Е.Э. Липшиц // Византийский сб. — М.—Л.: АН СССР, 1945. — С. 96—143.
4. Липшиц, Е.Э. Византийский Земледельческий закон и его судьбы в средневековых балканских государствах / Е.Э. Липшиц. — М.: Международн. асоц. по изучению стран Юго-Восточной Европы, 1966.
5. Византийский Земледельческий закон / под ред. И.П. Медведева. — Л.: Наука, 1984.
6. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник М. Бегови. — Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. — Књ. II.

7. Душанов законик: призрачки рукопис // Јанкови , Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV век) / Д. Јанкови . — 3-е издање. — Београд: Научна књига, 1961.
8. *Енгелс, Ф.* Франкски период / Ф. Енгелс // Маркс К., Енгелс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 19, 1961.
9. *Енгелс, Ф.* Марка / Ф. Енгелс // Маркс К., Енгелс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 19, 1961.
10. *Гркови , М.* Прва хрисовуља Манастира Дечани / М. Гркови . — Београд: Центар за очување наслеђа Косова и Метохије, 2004.
11. *Бромлей, Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классообразования у славян) / Ю.В. Бромлей. — М.: Наука, 1964.
12. *Новакови , С.* Законски споменици српских држава средњег века / С. Новакови . — Београд, 1912.
13. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984—1991. — Т. 1: Законодательство Древней Руси, 1984.
14. *Пьянков, А.П.* Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси / А.П. Пьянков. — Минск: БГУ, 1980.
15. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984—1991. — Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, 1985.
16. *Księga prawa zwyczajowego polskiego z wieku XIII* // Starodawne prawa polskie pomniki / wyd. A. Helcel. — Kraków, 1870. — Т. 2.
17. *Bardach, J.* Historia ustroju i prawa polskiego / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. — 5-е wyd. — Warszawa: LexisNexis, 2003.
18. Volumina legum. — Petersburg, 1859. — Т. 1.
19. Салическая правда / под ред. В.Ф. Семенова. — М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1950.
20. *Дембо, Л.И.* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе / Л.И. Дембо. — Л.: ЛГУ, 1954.
21. *Fustel de Coulanges, M.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les Transformations de la Royauté pendant l'époque carolingienne / M. Fustel de Coulanges. — 7-е edition. — Paris: Librairie Hachette, 1923.
22. *Зак, С.Д.* Некоторые черты однотипности и отличия германской и русской земледельческой общины в работах К. Маркса и Ф. Энгельса / С.Д. Зак // Проблемы аграрной истории: в 2 ч. / под ред. В.Л. Янина. — Минск: Наука и техника, 1978. — Ч. 1.
23. *Маркс, К.* Об освобождении крестьян в России / К. Маркс // Маркс К., Энгелс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 12, 1958.
24. *Тарановски, Т.В.* Историја српског права у Немањи кој држава / Т.В. Тарановски. — Београд: Службени лист СРЈ, 1996.
25. *Rački, F.* Nutarnje stanje Hrvatske prije XII stoljeća / F. Rački // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. — Zagreb, 1891. — Кнј. 105.
26. *Новакови , С.* Село / С. Новакови // Глас. — Свебка XXIV. — 1891.
27. *Balzer, O.* O zadrudze slowianskiej (uwagi i polemika) / O. Balzer // Kwartalnik historyczny. — 1899. — Т. XIII. — S. 183—256.
28. *Косвен, М.О.* Семейная община и патронимия / М.О. Косвен. — М.: АН СССР, 1963.
29. *Соловјев, А.В.* Одабрани споменици српског права од XII до краја XV века / А.В. Соловјев. — Београд, 1926.
30. *Леонтович, Ф.И.* О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ / Ф.И. Леонтович // Журналъ министерства народного просвѣщенія. — 1867. — Ч. СXXXIV. — № 4. — С. 1—19.
31. *Юшков, С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства / С.В. Юшков. — М.: Юрид. изд-во, 1949.
32. *Фроянов, И.Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя / И.Я. Фроянов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999.
33. *Алексеев, Ю.Г.* Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование / Ю.Г. Алексеев. — Псков: Изд-во Центра "Возрождение", 1997.
34. *Codex diplomaticus Majoris Poloniae* / Ed. J. Zakrzewski et F. Piekosiński. — Poznań, 1877. — Т. 1.
35. *Bilý, J.L.* Právní dějiny na území České Republiky / J.L. Bilý. — Praha: Linde Praha, 2003.
36. Ермолович, В.И. Государство и право Чехии IX—XVI веков / В.И. Ермолович. — Минск: БГЭУ, 2005.
37. *Ермолович, В.И.* Гражданское право средневековой Чехии (общий взгляд на проблему) / В.И. Ермолович // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2005. — № 5.
38. *Абрамсон, М.Л.* Южноитальянская община IX—XIII вв. / М.Л. Абрамсон // Средние века. Сб. — Вып. 32. — М.: Наука, 1969.
39. *Корсунский, А.Р.* О крестьянских общинных организациях в Астурии, Леоне и Кастилии в IX—XIII вв. / А.Р. Корсунский // Проблемы аграрной истории: в 2 ч. / под ред. В.Л. Янина. — Минск: Наука и техника, 1978. — Ч. 1.
40. Вестготская правда // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 1999. — Т. 2.